

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: М.В. Братолубова С.177-186

М.В. БРАТОЛЮБОВА

*кандидат исторических наук, доцент,
Южный федеральный университет*

КАЗАЧЬЯ ФРАКЦИЯ В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ НАЧАЛА XX В. И ВОПРОСЫ «АВТОНОМИЗМА»

В статье раскрывается позиция казачества в Государственной Думе Российской империи по вопросам «автономизма». Показано, что важной составляющей требований казачьих депутатов в Государственной думе по проблемам местного самоуправления являлась идея автономии казачьих регионов России. Сделан вывод о том, что областническая окраска политических позиций казачьих депутатов была обусловлена спецификой развития и статуса казачьих областей в России в начале XX века.

Ключевые слова: Государственная Дума Российской империи, казачья фракция, автономизм.

M.V. BRATOLYUBOVA

*PhD (History), Associate Professor
Southern Federal University*

COSSACK FACTION IN THE RUSSIAN STATE DUMA AT THE BEGINNING OF XX CENTURY AND THE ISSUE OF «AUTONOMISM»

The article analyzes the attitude of Cossacks in the Russian Empire State Duma to the issue of «autonomism». The idea of Russian Cossack region's autonomy is considered to be an important claim of Cossack deputies of State Duma concerning the issues of local self-governing. The article concludes that autonomist political views of Cossack deputies were specified with the development and status of Cossack regions in Russia at the beginning of XX century.

Key words: The state Duma of the Russian Empire, Cossack Faction, «autonomism».

Развитие казачьего движения в современной России усиливает интерес к истории казачества, в частности, к его роли в строительстве российской государственности в начале XX века. Исследования последних лет [3–5, 23] позволили приоткрыть малоизученную страницу истории, связанную с активным участием казаков в становлении

российского парламентаризма, когда самодержавие вынуждено было пойти на созыв Государственной думы, обозначив начало движения России к гражданскому обществу.

Важной составляющей требований казачества в Государственной Думе являлась идея автономии. Областнические идеи не были чужды формировавшемуся сознанию казачества. Областничество можно обозначить как тенденцию, «характерную для ряда регионов Российской империи второй половины XIX – начала XX века, связанную с ростом регионального самосознания и недовольством управленческими методами унитарного государства» [15, с. 10]. Представляется важным проанализировать позицию казачества по отстаиванию приоритетов социально-экономического, политического и культурного развития казачьих регионов в Государственной Думе Российской империи.

Всего в Государственную Думу I–IV созывов казачьи регионы делегировали 71 человека (в I Думу – 21 человека, во II – 20, в III – 16, в IV – 14) [2]. Наибольшее количество своих представителей в Думе имело донское казачество – 34 депутата, кубанцев представляли 9 депутатов, оренбуржцев – 7, терское казачество делегировало 5 депутатов, астраханское и уральское – по 4 депутата, забайкальское – 3, Сибирское – 2, Амурское и Уссурийское – 2, Семиреченское – одного депутата-казака.

Казачья фракция российского парламента отличалась от других фракций и групп как по своим целям и задачам, так и по составу. В основу ее создания был положен этно-сословно-территориальный принцип. Именно этно-сословно-региональные проблемы стали тем стержнем, вокруг которого происходило объединение казачества в единое общественно-политическое движение в стенах российского парламента и в стране в целом.

Из-за кратковременности работы I Думы, несогласованности действий депутатов-казаков, разногласий по политическим вопросам, организационно оформленной самостоятельной казачьей фракции в Думе первого созыва не было. Казачья фракция оформилась и начала функционировать в дни работы II Государственной Думы. Вначале она получила название «Общая казачья фракция думской оппозиции», впоследствии оно было сокращено и упрощено до «Думской казачьей фракции» [18, с. 123]. На практике фракция получила общеупотребительное название – «Казачья группа». Она представляла собой фракционную казачью структуру без учета партийной принадлежности. Ее председателем был избран кубанец Ф.А. Щербина [9, с. 32]. Было составлено документальное обоснование создания фракции из четырех тезисов. Суть их состояла в следующем: повысить политическое сознание казачества, упрочить авторитет

каждого казачьего депутата, очистить репутацию казаков, которая пострадала из-за той негативной роли, которую сыграло казачество в освободительном движении; установить прочную связь между казачьими избирателями и простым казачьим народом [17, с. 123–124].

Казачья фракция во II Государственной Думе, просуществовав совсем недолго, распалась из-за наличия групповых интересов, отсутствия единого лидера, отсутствия опыта парламентской работы. В результате распада казачьей фракции часть казаков создала территориальные внепартийные группировки. Так, депутаты-казаки от ОВД образовали совместно с другими депутатами-дончанами свою «Донскую группу» депутатов во главе с В.А. Харламовым [22, с. 523]. По инициативе сибирского депутата-казака И.П. Лаптева была создана внепартийная «Сибирская группа», куда вошли депутаты от Сибири независимо от политических взглядов [13, 22 марта; 14, 29 марта]. Таким образом, не имея возможности объединиться по сословному признаку, часть депутатов предпочла территориальные группировки для отстаивания своих местных интересов.

Восемнадцать депутатов-казаков, избранных в III Думу, предлагали разные варианты создания особой казачьей фракции. Часть депутатов высказалась за образование казачьей фракции, состоящей из казачьих депутатов, то есть казаков, избранных только от казачьей курии. Некоторые казаки высказывали мысль создать очень узкую группу депутатов, состоящую из казаков, являющихся не только казаками по происхождению, но и по званию, т.е. строевых казаков. Другие предлагали образовывать более широкую казачью группировку. В результате после бурных дискуссий конституировалась «Группа представителей казачьих областей», которая включала в себя не только казаков, но и других представителей от казачьих областей (так называемых «иностранцев») [21, 20 ноября]. Последние не имели права решающего голоса только в вопросах, касающихся исключительно казачьих интересов. Группа состояла из 30 членов, из них 16 были казаками. По политическим убеждениям казачьи представители группы распределились следующим образом: 1 социал-демократ, 5 кадетов, 2 прогрессиста, 3 националиста, 1 правый (партийный состав иностранцев – 11 кадетов, 9 прогрессистов, 4 октябриста, 3 правых, 2 социал-демократа, 1 член партии Союза русского народа) [12, 4 декабря]. Председателем группы был избран кубанец К.Л. Бардиж.

Казачья внепартийная группа в IV Государственной думе была официально зарегистрирована и состояла из 15 человек – казаков из основных казачьих регионов. Возглавлял фракцию на этот раз донской казак, депу-

тат всех четырех созывов В.А. Харламов. Партийный состав казачьей группы в IV Думе был более однородным, 6 человек одновременно входили во фракцию прогрессистов, 9 были членами фракции кадетов [6, с. 188]. Таким образом, все члены казачьей группы тяготели к либералам.

Поиск оптимальных форм государственного устройства и соотношения централизации и децентрализации привел казачьих депутатов к выработке программы «Казачьей группы» во II–IV Государственных Думах. Казачьи депутаты предприняли попытку соединить общедемократические и сословные требования, выработав программу, нацеленную на удовлетворение потребностей казачества, главным чаянием которого было введение широкого местного самоуправления.

Важной составляющей требований казачьих депутатов в Государственной думе по проблемам местного самоуправления являлась идея автономии. Депутаты-казаки в Государственной Думе защищали требования автономии казачьих регионов Российской империи. Эта идея подробнейшим образом была сформулирована в программе казачьей фракции Думы второго созыва [18, с. 123–124]. Программа предусматривала восстановление утраченных демократических порядков в казачьих войсках и их автономию. Войсковое управление должно объединять органы местного самоуправления и органы правительственной власти, установленные общероссийским законодательством в соответствии с государственными потребностями. Представителем высшей администрации и судебной власти провозглашался войсковой атаман, избираемый казачьим населением и утверждаемый царем. На основании всеобщего избирательного права должен был выбираться сроком на три года главный орган самоуправления – Войсковой круг, обладающий законодательной инициативой по всем без исключения вопросам казачьей жизни, который назначал бы на определенный срок исполнительный орган – Войсковое правление и должностных лиц [18, с. 123–124]. Ведению Круга подлежали и «общие порядки по казачьему землевладению и землепользованию», а так же все вопросы, связанные с отбыванием воинской повинности. Проект программы закреплял сословную обособленность казачества, органы самоуправления должны были избираться исключительно казачьим населением. Предполагалось возродить даже выборность казачьего духовенства [1, 15 марта], и это несмотря на то, что процент иногородних прихожан даже в станицах был достаточно значителен.

Показательно в этом отношении была позиция одного из лидеров казачьей фракции в Думе, депутата от Области войска Донского,

В.А. Харламова: «Казаку нужно широкое самоуправление как вода – рыбе, как вольный воздух – птице! От бюрократов казаки не получают самоуправление, только Государственная дума может дать желанную свободу в деле устройства своего благополучия» [16, 9 января]; «местное самоуправление, единственно может прийти на помощь казакам» [27, с. 39]. С трибуны Государственной Думы он настаивал на ограничении монополии военного министерства при рассмотрении казачьих дел. В.А. Харламов предлагал вовсе расформировать Главное управление казачьих войск (ГУКВ), передав полномочия решения экономических и культурно-бытовых вопросов органам самоуправления, а военные дела, предоставив главному штабу [27, с. 26, 43].

Таким образом, в программе казачьей фракции во II Государственной Думе возродилась идея Войскового круга, как исключительно казачьего представительного органа для разрешения казачьих дел. Большая часть казаков-депутатов считала необходимым создание в казачьих регионах самоуправляющихся органов двух видов: войскового – для управления казачьим элементом, и общеземского. Войсковой круг должен был иметь первенство перед областным земским собранием, в котором объединялись представители всего населения области, без различия сословий.

В дальнейшем казачьи представители в Думе отошли от столь радикального проекта казачьего самоуправления. В измененном варианте, внесенном в III Думу, атаману делегировались полномочия осуществлять надзор за законностью действий выборных органов власти в казачьих регионах (в частности, за станичной администрацией) [11, с. 5–49]. Предусматривалось также формирование выборных окружных собраний, которым предоставлялось право самостоятельно избирать администрацию округа [7, с. 200–201]. В сопровождающей этот документ «Объяснительной записке» казачьи депутаты пытались преподнести законопроект как предложения по проведению умеренных реформ, призванных улучшить существующую систему административного управления. Они доказывали, что этот законопроект надо воспринимать не как атаку на административное государственное управление, а как попытку достичь соглашения или договоренности по поводу исчезновения элементов казачьего самоуправления в процессе установления прочной власти через войскового атамана, Главного управления и Военного Совета [8, с. 1308]. В «Объяснительной записке» также утверждалось, что предлагаемые выборные войсковые собрания только своим названием отличаются от созданных уже в некоторых губерниях земств. В том месте, где упоминалось о земствах, признавалось, что в отличие от существующих земств,

предполагаемые собрания будут создаваться не на сепаративных выборах определенных сословий. Утверждалось, что система сословных выборов не подходит казакам, которые считали себя равноправными в рамках военного закона[8, с. 1308]. С помощью этих утверждений казачьи депутаты пытались предотвратить критику проекта со стороны консервативного лагеря.

Законопроект казачьей группы в III Думе в целом получил одобрение комиссии по местному самоуправлению. За обсуждением проекта следило командование Главного управления казачьих войск, оно потребовало принятия законопроекта только при условии сохранения полного контроля Военного министерства за военной службой казачества. В ответ на это сторонники законопроекта выдвинули встречное условие о том, чтобы действительная служба казачества оплачивалась из войсковых фондов, а не самими казаками. Военное министерство не могло согласиться ни с этим условием, ни с введением казачьего самоуправления в принципе. Оно в противовес разработало свою программу реформ по вопросам управления казачеством. Представленный законопроект Военного министерства выхолащивал полностью идею земства.

В III Думе этот вопрос не был решен, и хотя с некоторыми редакционными изменениями и поправками проект был внесен на рассмотрение IV Думы, проблема осталась нерешенной. Основной причиной этого была недостаточная поддержка либералов и враждебность консерваторов. Большинство думских депутатов были настроены на расширение местного самоуправления, но это не означало, что они были согласны на предоставление особых привилегий казачеству. Таким образом, предложения казачьей группы по предоставлению казачеству местного самоуправления не имели реального шанса получить одобрения Думы и правительства.

В Государственной думе депутаты-казаки ставили на повестку дня самый злободневный и важный вопрос казачьего населения – проблему политико-правового положения казачества как военного сословия в составе Российской империи. Они добивались либерализации системы милитаристского, военно-бюрократического управления казачьими войсками, доказывали необходимость немедленного введения в казачьих областях широкого местного самоуправления на выборных началах.

Деятельность депутатов-казаков в Государственной Думе, наличие программных документов «Казачьей фракции», на наш взгляд, являются доказательством того, что большая часть казачьих представителей в парламенте разделяли идеи автономии казачьих регионов. Еще одним аргументом в пользу данной точки зрения является участие ряда депутатов-казаков в парламентской группе «автономистов» Думы первого созыва,

которая добивалась децентрализации государственной власти на демократических началах и на принципе широкой автономии областей, установленной законами Российской империи, но на основе «нераздельности и неприкосновенности границ Российского государства как единого целого» [22, с. 496]. Члены этой группы подчеркивали, что «организовываясь на основах представительства областей, а не национальностей, стремятся не к национальной обособленности, а к децентрализации государственного управления [25, 24 мая].

Но для казачьих депутатов, отстаивающих идеи областничества, характерно видение предпочтительного для России варианта реформ в духе буржуазного парламентаризма и отказ от последовательного сепаратизма. Думцы казаки с негодованием отвергали обвинения в политическом сепаратизме, понимая таковой как стремление к отделению части государства от целого. Так, В.А. Харламов подчеркивал: «Мы никогда не изменяли государственному единству России, не протестовали против расчленения России» [26]. Большая часть казачьих парламентариев трактовала идею казачьей автономии лишь как требование экономической независимости и его права на культурное самоопределение. Спеша успокоить своих критиков и ненавистников, казаки-депутаты разъясняли занимаемую ими позицию: «...осуществление начал автономии состоит в представлении национально обособленным местностям права свободного законодательства по вопросам, имеющим местное, а не общегосударственное значение, по вопросам национальной и культурной жизни, по вопросам местного благоустройства и благосостояния местности» [28, л. 1об.].

Тем самым, автономия понималась большей частью казачьих представителей в Думе не как создание сколь-нибудь независимых национальных образований, но лишь как самоуправление отдельных областей в составе единого государства. Члены парламентской группы «автономистов» объясняли всем, желавшим их слушать, что они, «организовываясь на основах представительства областей, а не национальностей, стремятся не к национальной обособленности, а к децентрализации государственного управления» [24, с. 135]. Убеждая общественность в отсутствии у них намерений развалить Российскую империю, казаки-думцы, в первую очередь, либералы заявляли, что автономия отнюдь не является злом для государства; напротив, это, – «новая сила к единению всех народов» [19, 20 марта] в общих имперских границах. Логика их заключалась в том, что автономия, предоставляя отдельным национальностям или населению отдельных областей широкое самоуправление, наделяя их правом решать местные дела по собственной воле (но, в соответствии с закона-

ми России), одновременно стимулировала среди них пророссийские настроения и побуждала теснее сплотиться вокруг имперского центра, под скипетром монарха.

Таким образом, в деятельности казачьих депутатов в Государственной думе Российской империи приоритетное звучание приобрели вопросы политического реформирования казачьих регионов. Предложения казачьей группы по предоставлению казачеству местного самоуправления не имели реального шанса получить одобрения Думы и правительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефин С.Я. «С Дона» // Речь. 1907.
2. Бийович М.М. Члены I Государственной думы. Портреты и биографии. Созыв I–IV. М., 1906–1912.
3. Братолобова М.В. Депутаты – казаки в государственной Думе Российской империи (I–IV): социологический портрет // Вестник РМИОН. Исторические и социальные аспекты модернизации России в XIX – начале XX вв.: Южный федеральный университет; Издательство Южного федерального университета. 2015.
4. Братолобова М.В. Идеи децентрализма и казачьей автономии Дона в требованиях либеральных политических организаций Области войска Донского в начале XX в. // Областная тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010.
5. Братолобова М.В. Парламентская деятельность российского казачества в начале XX в. // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Санкт-Петербург. Таврический дворец. 19 октября 2012 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева СПб.: Изд-во «ЭлксСис», 2013. Ч.1. 2013.
6. Государственная дума. IV созыв. I сессия. Справочник. 1913.
7. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. 3 созыва. 2 сессия. СПб., 1909.
8. Государственная дума. Третий созыв. Сессия II. 1908–1909. Стенографический отчет. СПб., 1909.
9. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907. СПб., 1907.
10. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913. СПб., 1913.
11. Ефремов И.Н. Отчет избирателям о деятельности в качестве члена III Государственной Думы. СПб., 1911.
12. Захарьев Н.А. Заметки о Думе и депутатах // Донская жизнь. 1907.
13. Лаптев И.П. Письма казачьего депутата // Степное эхо. 1907; Вестник партии народной свободы. 1907.
14. Лаптев И.П. Письма казачьего депутата // Степное эхо. 1907.
15. Малинов А.В. Философия и идеология областничества. СПб.: Интерсоцис, 2012. 128 с.
16. Новочеркасский курьер. 1907.
17. Петровский А. Правда о думской казачьей фракции (История неудавшегося начинания). Ростов н/Д., 1912.
18. Петровский А.И. Донские депутаты во II Государственной думе. СПб., 1907.
19. Приазовский край 1906.

20. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913. СПб., 1913. № 168.
21. Речь. 1907.
22. Сватиков С.Г. Россия и Дон. 1549–1917. Белград, 1924.
23. Сергеев В.Н. Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906–1917) / В.Н. Сергеев, Д.Ю. Шапсугов. Ростов н/Д., 2003. 511 с.
24. Союз автономистов // Представители Государственной Думы / Под ред. Малаховского. 1906.
25. Союз автономистов. Основные положения программы // Дело народа. 1906.
26. Харламов В.А. «Опыт обоснования казачьей идеи» // Новочеркасский музей истории Донского казачества (НМИДК). КП 18.007.
27. Харламов В.А. Казачий депутат Государственной думы (1905–1917). М., 1995.
28. Центр документации новейшей истории ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 135.

TRANSLIT

1. Arefin S.Ya. «S Dona» // Rech. 1907.
2. Biyovich M.M. Chleny Gosudarstvennoy dумы. Portrety i biografii. Sozyv I–IV. M., 1906–1912.
3. Bratolyubova M.V. Deputaty – kazaki v gosudarstvennoy Dume Rossiyskoy imperii (I–IV): sotsiologicheskii portret // Vestnik RMION. Istoricheskie i sotsialnye aspekty modernizatsii Rossii v XIX – nachale XX vv.: Yuzhnyy federalnyy universitet; Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta. 2015.
4. Bratolyubova M.V. Idei detsentralizma i kazachey avtonomii Dona v trebovaniyakh liberalnykh politicheskikh organizatsiy Oblasti voyska Donskogo v nachale KhKh v. // Oblastnicheskaya tendentsiya v russkoy filosofskoy i obshchestvennoy mysli: K 150-letiyu sibirskogo oblastnichestva. SPb.: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2010.
5. Bratolyubova M.V. Parlamentskaya deyatel'nost' rossiyskogo kazachestva v nachale KhKh v. // Tavricheskie chteniya 2012. Aktualnye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sankt-Peterburg. Tavricheskii dvorets. 19 oktyabrya 2012 g. Sbornik nauchnykh statey / Pod red. A.B. Nikolaeva. Pb.: izd-vo «El'skSis», 2013. Ch.1. 2013.
6. Gosudarstvennaya дума. IV sozyv. I sessiya. Spravochnik. 1913.
7. Gosudarstvennaya Дума. Obzor deyatel'nosti komissiy i otdelov. 3 sozyv. 2 sessiya. SPb., 1909.
8. Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozyv. Sessiya II. 1908–1909. Stenograficheskiy otchet. SPb., 1909.
9. Gosudarstvennaya дума. Ukazatel k stenograficheskim otchetam. Vtoroy sozyv. 1907. SPb., 1907.
10. Gosudarstvennaya дума. Ukazatel k stenograficheskim otchetam. Chetvertyy sozyv. Sessiya I. 1912–1913. SPb., 1913.
11. Yefremov I.N. Otchet izbiratelyam o deyatel'nosti v kachestve chlena III Gosudarstvennoy Dумы. SPb., 1911.
12. Zakharev N.A. Zametki o Dume i deputatakh // Donskaya zhizn. 1907
13. Laptev I.P. Pisma kazachego deputata // Stepnoe ekho. 1907; Vestnik partii narodnoy svobody. 1907
14. Laptev I.P. Pisma kazachego deputata // Stepnoe ekho. 1907.
15. Malinov A. V. Filosofiya i ideologiya oblastnichestva. SPb.: Intersotsis, 2012. 128 s.
16. Novocherkasskiy kurer. 1907.
17. Petrovskiy A. Pravda o dumskey kazachey fraktsii (Istoriya neudavshegosya nachinaniya). Rostov n/D., 1912.
18. Petrovskiy A.I. Donskie deputaty vo II Gosudarstvennoy dume. SPb., 1907.
19. Priazovskiy kray 1906.

20. Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy dumy. Chetvertyy sozyv. Sesiya I. 1912–1913. SPb., 1913. № 168.
21. Rech. 1907.
22. Svatikov S.G. Rossiya i Don. 1549–1917. Belgrad, 1924.
23. Sergeev V.N. Parlamentskaya deyatel'nost' deputatov rossiyskogo kazachestva (1906–1917) / V.N. Sergeev, D.Yu. Shapsugov. - Rostov n/D., 2003. 511 s.
24. Soyuz avtonomistov // Predstaviteli Gosudarstvennoy Dumy / Pod red. Malakhovskogo. 1906.
25. Soyuz avtonomistov. Osnovnye polozheniya programmy // Delo naroda. 1906.
26. Kharlamov V.A. «Opyt obosnovaniya kazachey idei» // Novocherkasskiy muzey istorii Donskogo kazachestva (NMIDK) - KP 18.007.
27. Kharlamov V.A. Kazachiy deputat Gosudarstvennoy dumy (1905–1917). M., 1995.
28. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii rostovskoy oblasti (TsDNI RO), f. 12, op. 1, d. 135.